

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Владимир Ильич
ЛЕНИН

ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ

О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что наше настоящее место — именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда! Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

Владимир Ленин

Теория насилия (сборник)

«Алисторус»

УДК 13
ББК 87

Ленин В. И.

Теория насилия (сборник) / В. И. Ленин — «Алисторус»,

То, что политика, в духовном плане, является отражением определенной философской системы, – доказывать не надо, это азбучная истина. Не нуждается в доказательствах и тезис о том, что философская система марксизма, развитая В.И. Лениным, была востребована миллионами людей во всем мире на протяжении всего двадцатого столетия; не отброшена она и сейчас, несмотря на ту острую критику, которой эта система ныне подвергается. Конечно, многие идеи Ленина, особенно касающиеся сиюминутных политических задач, теперь не актуальны, но часть вопросов, затронутых им, не потеряли своей остроты и в наши дни, а некоторые вопросы еще очень долго будут стоять перед человечеством. К числу таких «вечных» вопросов относится проблема насилия, его допустимости, значения в общественном развитии и в государственной жизни.

УДК 13
ББК 87

© Ленин В. И.
© Алисторус

Содержание

Предисловие от редакции	6
Часть 1	10
Из работы «Государство и революция» (1917–1918 гг.)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В.И. Ленин
Теория насилия (сборник)

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие от редакции

Если речь заходит о философском наследии В.И. Ленина, то, как правило, вспоминают его работу «Материализм и эмпириокритицизм». Она по праву считается классикой марксистской философии, одним из главных трудов по диалектическому материализму. «Материализм и эмпириокритицизм» – это действительно основное философское сочинение В.И. Ленина, поскольку подавляющее большинство остальных его произведений посвящено политическим вопросам, которые составляли главный интерес для руководителя большевистской партии и главы советского правительства.

Тем не менее, без анализа политических произведений Ленина невозможно понять все особенности его мировоззрения, являющегося, независимо от отношения к этому человеку, важной частью наследия общественной мысли конца XIX – начала XX века.

То, что политика, в духовном плане, является отражением определенной философской системы, – доказывать не надо, это азбучная истина. Не нуждается в доказательствах и тезис о том, что философская система марксизма, развитая В.И. Лениным, была востребована миллионами людей во всем мире на протяжении всего двадцатого столетия; не отброшена она и сейчас, несмотря на ту острую критику, которой эта система ныне подвергается. Конечно, многие идеи Ленина, особенно касающиеся сиюминутных политических задач, теперь не актуальны, но часть вопросов, затронутых им, не потеряли своей остроты и в наши дни, а некоторые вопросы еще очень долго будут стоять перед человечеством. К числу таких «вечных» вопросов относится проблема насилия, его допустимости, значения в общественном развитии и в государственной жизни.

Проблема насилия волновала мыслителей издревле, с тех времен, когда зародилась философия. Рассуждения об этой проблеме встречаются, например, у Конфуция, который доказывал, что без насилия невозможно государство. Он сравнивал идеального правителя страны со строгим, но справедливым отцом, поощряющим своих детей (у правителя – подданных) за хорошее и карающим за дурное.

Платон, выстраивая умозрительную, оптимальную государственную структуру, выделял в ней особое подразделение – многочисленную группу охранников и воинов, которые должны были следить за установленным порядком в обществе, а также держать в повиновении низшие классы. Правда, в трудах того же Платона есть размышления и о том, что насилие может применяться не только властью, но и против власти, если она нарушает принцип справедливости, являющийся одной из априорных идей. Вслед за Платоном о допустимости применения насилия против несправедливой власти говорили древнеримские философы; в частности, подобная мысль неоднократно встречается в речах Цицерона.

В средневековой христианской философии насилие считается неотъемлемым атрибутом светского государства. Земной, «тварный» мир вообще не способен обойтись без насилия; лишь люди, отвергнувшие «прелести» этого «тварного» мира, последовавшие за Христом, способны не чинить зла себе подобным и не угнетать их. Либо жизнь по законам земным, – и тогда насилие неизбежно, – либо жизнь «не от мира сего». Иного не дано.

Новым смыслом наполняется понятие насилия в эпоху Просвещения. Насилию отводится роль той силы, которая должна сокрушить прежний государственный строй, основанный «на ошибках, заблуждениях и обмане», и создать новый прогрессивный – «царство разума, свободы, равенства, братства». Во имя этой великой цели допускались самые жестокие формы подавления сопротивления «мракобесов, ретроградов и врагов народа», а революция объявляется положительным явлением общественного развития.

Эти идеи в XIX веке были взяты на вооружение марксизмом с той разницей, что просветители использовали их в борьбе против феодализма за утверждение буржуазных отношений,

а марксисты стали использовать в борьбе против буржуазии, связывая идеи «прогрессивного насилия» с классовой борьбой пролетариата.

По Марксу, революция – это «локомотив истории»; получив политическую власть, пролетариат устанавливает свою диктатуру, с помощью которой подавляет сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и создает условия для построения коммунизма – высшей стадии общественного развития, самого справедливого общественного строя в истории человечества. При коммунизме отомрет государство (которое в ходе всей истории человечества было аппаратом насилия для удержания в повиновении эксплуатируемых классов, но поскольку в будущем обществе классов не будет, то, естественно, не будет и государства) – прекратится и насилие.

Диктатуре пролетариата – диктатуре большинства над меньшинством – Маркс отдавал предпочтение в сравнении с буржуазной демократией, которая, по его словам, была лишь ширмой, прикрывающей господство капиталистов над трудящимися. Диктатура пролетариата – это надежный фундамент справедливого будущего общества; буржуазная демократия – жалкая подпорка общества прошлого, основанного на несправедливости и вражде.

* * *

В конце XIX – начале XX века марксистские идеи широко распространяются в России. В своих работах В.И. Ленин объясняет причины этого: с одной стороны, стремительный рост рабочего движения, связанный с увеличением числа рабочих, высокой концентрацией их в крупных промышленных центрах, чрезвычайно тяжелыми условиями жизни и труда пролетариата при практически полном политическом бесправии. С другой стороны, массовая эмиграция из России деятелей революционного движения способствовала расширению их связей с революционными деятелями Запада, знакомству с основными общественно-политическими теориями, господствующими в западноевропейской мысли, – в том числе, с марксизмом.

На русской почве марксизм приобретает своеобразные черты; в частности, хотя Ленин и не отмечает эту особенность, тема насилия весьма усиливается в русском варианте марксистской теории. (В российской жизни насилие, как известно, всегда занимало значительное место. Насилие со стороны государства порождало ответное насилие со стороны общества: русская история полна примеров жестокости, проявленной как княжеской и царской властью, так и восставшим народом).

Оценка полезности насилия неоднократно приводится Лениным в его трудах и основывается на анализе конкретной исторической обстановки. В начале XX века все более ослабевающий царизм постепенно уступает свои позиции на политической арене буржуазии. В это время в стране дважды происходят буржуазные революции: в 1905 и в феврале 1917 года. Соответственно, появляются и элементы буржуазной демократии, главным из которых был парламентаризм. Не удивительно, что В.И. Ленин как марксист и лидер радикальной рабочей партии подвергает парламентаризм острой критике, противопоставляя ему диктатуру пролетариата.

Цитируя Маркса, Ленин так пишет о «продажном и прогнившем буржуазном парламентаризме»: «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках».

«Чистую демократию» Ленин считает обманом трудящихся: «В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок – тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия, – отталкивают массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д.».

Не менее острой критике подвергаются те деятели социал-демократического движения, которые всерьез воспринимают мифы о «примирении» общественных классов при буржуазной

демократии, о создании «свободного народного государства», о возможности мирного перерастания капитализма в социализм: «Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, напр., история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века».

И тут же неизбежно следует вывод о неизбежности и полезности насильственной революции: «Учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно сменится государством пролетарским (диктатурой пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией».

Следует отметить, что под «насильственной революцией» Ленин понимал не просто захват власти пролетариатом, а коренное преобразование общественного строя на социалистический манер, т. е. под «свержением господства эксплуататорского класса» подразумевался целый комплекс мер, как в политической, так и в экономической областях. Подобные преобразования были немыслимы без подавления сопротивления буржуазии; что же касается собственно захвата власти, то он мог быть произведен или мирным путем (как, например, в России весной 1917 года при осуществлении лозунга «вся власть Советам»), или насильственным образом, – в зависимости от обстановки.

Призывая в 1917 году к свержению Временного правительства, В.И. Ленин говорит о неспособности этого правительства решить острейшие проблемы, стоящие перед Россией, ибо оно отстаивает не интересы большинства населения, но выполняет политический заказ буржуазии, охраняет ее доходы, ее «священную частную собственность» и власть над эксплуатируемым народом. В таких условиях только революция через вооруженное восстание – единственная возможность спасения страны от грозящей политической и экономической катастрофы.

Придавая огромное значение правильной организации восстания, Ленин разрабатывает его подробные тактические и стратегические планы, продумывает все до мелочей, включая действия и вооружение небольших революционных отрядов. Не случайно, Октябрьский переворот 1917 года стал образцом вооруженного восстания, – он закончился полной победой в кратчайшие сроки и без ощутимых потерь.

Советская власть, установившаяся в России после Октября 17-го, должна была как форма диктатуры пролетариата решить, согласно марксистской теории, две важнейшие задачи: подавить сопротивление свергнутых классов и создать условия для построения социализма в стране, а в будущем – коммунистического общества. В своей деятельности на посту главы советского правительства В.И. Ленин осуществлял необходимые меры по решению этих задач. Примечательно, что насилие допускалось им в первые месяцы после Октября в относительно ограниченных размерах, основной упор делался на привлечение «буржуазных специалистов» к построению социализма; лишь для тех, кто боролся с советской властью, применялась конфискация всего имущества или тюремное заключение. Расстрел допускался в исключительных случаях; даже ярые противники советского режима зачастую выходили на свободу под подписку не бороться более «с трудовым народом».

С началом широкой Гражданской войны «теория насилия» вновь приобрела чрезвычайную актуальность; насилие становится необходимым фактором для спасения советского государства от гибели. Ленин в своих работах этого периода еще раз дает обоснования правомочности применения насилия диктатурой пролетариата, опираясь теперь преимущественно на

текущую обстановку. Он пишет, что буржуазия, теряя «священную частную собственность», прибегает к самым «зверским», самым «нечеловеческим» способам борьбы с рабоче-крестьянской властью, – соответственно, эта власть имеет полное право и обязана защищаться, применяя насилие по отношению к своим врагам.

Интересно, что созидательную задачу диктатуры пролетариата, – создание условий для построения социализма в стране, – Ленин по-прежнему считает главной, но из-за «бешеного сопротивления» буржуазии эта задача теснее, чем раньше, смыкается с задачей подавления свергнутых эксплуататорских классов.

* * *

Насилие и созидание, насилие во имя созидания – эти темы составляют, пожалуй, основной мотив в трудах В.И. Ленина. При составлении данного сборника мы выбрали те работы, которые, на наш взгляд, дают наиболее полное представление о «теории насилия» Ленина как явлении общественно-политической мысли России соответствующего периода.

Эти работы приведены с сокращениями, касающимися узких политических вопросов, и расположены не в хронологическом, а в тематическом порядке, что обусловлено целью сборника.

Часть 1

«Чистая демократия» – политическая оболочка господства буржуазии

Из работы «Государство и революция» (1917–1918 гг.)

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях.

Угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всеильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает, таким образом, не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

* * *

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Государство – говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, – никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, – вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, – «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом примирения классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит, – сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! – что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть

орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение – значит, примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

«...По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией – продолжает Энгельс – государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...»

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

«...Вторая отличительная черта – учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества...»

Энгельс разворачивает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но – разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения»? На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие ему особые

отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения».

* * *

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«Обладея общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники – пишет Энгельс – становятся, как органы общества, над обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно – даже если бы они могли завоевать его...» Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.

«...Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса...» Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними...» Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

В демократической республике – продолжает Энгельс – «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства.

Всевластие «богатства» потому вернее при демократической республике, что оно не зависит от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что никакая смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии. Всеобщее избирательное право, говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии, есть «показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

[Между тем] мелкобуржуазные демократы... ждут именно «большого» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «в теперешнем государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь.

* * *

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов [XIX века]. Никакого политического содержания, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому всякое государство не-свободно и не-народно.

[Отсюда следует вывод] о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют.

Вот это рассуждение Энгельса¹:

«...Что насилие играет также в истории другую роль» (кроме свершителя зла), «именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, — обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие — к сожалению, извольте видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции!» (стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-й главы II отдела).

Учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно сменится государством пролетарским (диктатурой пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса — (вспомним конец «Нищеты философии» и «Коммунистического Манифеста» с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы) — этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в таком и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистскими течениями особенно рельефно выражается в забвении такой пропаганды, такой агитации.

¹ В.И. Ленин цитирует работу Ф.Энгельса «Антидюринг». — *Примеч. ред.*

* * *

Первые произведения зрелого марксизма, «Нищета философии» и «Коммунистический Манифест», относятся к кануну революции 1848-го года. В силу этого обстоятельства, наряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848–1851 годов.

«...Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии...»²

«...Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд. 1906 года).

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны), а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма. «Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий. Мало того. Оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям насчет «мирного развития демократии».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию. Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, напр., история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

² Цитата из «Манифеста Коммунистической партии». – *Примеч. ред.*

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, – в силу экономической роли его в крупном производстве, – способен быть вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное, сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат», – эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как особая организация насилия против буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический Манифест» и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848–1851 годов.

* * *

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848–1851 годов в следующем рассуждении, из сочинения «18-е Брюмера Луи Бонапарта»:

«...Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851-го года» (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) «она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный упрек, чтобы *сконцентрировать против нее все силы разрушения*» (курсив наш). «И когда революция закончит

эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину». Легитимная монархия и июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда...»

«...Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты *усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее*» (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» («18-е Брюмера Луи Бонапарта», с. 98–99, изд. 4-е, Гамбург, 1907 г.).

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осознательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

В «Коммунистическом Манифесте» подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна – с точки зрения исторического развития – быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852 году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции – 1848–1851. Учение Маркса и здесь – как и всегда – есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. О том, как тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией, говорится неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочий класс на своей шкуре учится познавать эту связь, – вот почему он так легко схватывает и так твердо усваивает науку о неизбежности этой связи, науку, которую мелкобуржуазные демократы либо невежественно и легкомысленно отрицают, либо еще легкомысленнее признают «вообще», забывая делать соответствующие практические выводы.

Чиновничество и постоянная армия, это – «паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры...

Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их над народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания» – а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С делом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого раздела и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля – 27 августа 1917 г. несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.